

Борис ГУЩИН

г. Петрозаводск

УЛИЦЫ МОЕГО ДЕТСТВА

*История... История – это память человечества.
И память каждого отдельного человека –
это кирпич в здании истории человечества.
Ведь мы жили в истории, а теперь история живет в нас...
Моё детство и ранняя юность прошли в Умбе с 1941 по 1961 год.
Городское поселение Умба расположено
на южном берегу Кольского полуострова.
Это районный центр Терского района Мурманской области,
столица всего Терского берега Белого моря.
Сам посёлок сравнительно молод – основан в конце XIX века
Яковом Беляевым, одним из известных
лесопрмышленников братьев Беляевых.
Посёлок построен впритык к старинной деревне Умба,
известной ещё с новгородских времён.
С момента своего основания посёлок стал промышленным,
культурным и административным центром всего Терского берега.
Лес и рыба делали здесь погоду.
Мне кажется, что основной интерес в моём рассказе –
в индивидуальных особенностях жизни и быта приморского
посёлка на общем историческом фоне нашей страны.*

НАШИ ТАНКИ ХОДЯТ ДАЛЕКО

Сам себя отдельными эпизодами я помню с 1945 года, где-то примерно с 3,5 лет. Во всяком случае, мне вспоминаются победные передачи по радио задолго до 9 мая. Помню, как меня ставили на табуретку и я, наслушавшись радио, вещал:

– Наши самолеты летают высоко, наши танки ходят далеко. Победа! Победа! Победа!

Светлый солнечный день Победы помню. Примерно тогда же с папой и мамой увидел первый в своей жизни кинофильм – «В 6 часов вечера после войны». Мне, маленькому, казалось, что наш посёлок самый лучший и кра-

сивый в мире, хотя, наверное, это было не совсем так.

Народное обывательское «районирование» поселка было таким: центр, завод и биржа (сырья и пиломатериалов), за биржей, за почтой рыбозавод, на Кирпичном (когда-то там был кирпичный завод; я застал только его остатки) МРС (моторно-рыболовная станция); 8 Марта, где в районе Колхозного переулка был конобоз; Ударников и Строителей улицы, появившиеся сразу после войны; совхоз (подсобное хозяйство лесокOMBината), деревня Умба.

Магазинами мы обделены не были: ГОРТ на ул. Дзержинского на горке, а напротив его внизу Нижний, в то время единственный промтоварный рядом с Центральными складами, ещё беляевскими; ОРС – в самом начале улицы Набережной; Кирпичный (на самом деле никакой не кирпичный, а обычный деревянный, просто он стоял в районе Кирпичного); Новый – на улице 8 Марта, сразу за мостиком через Малую Пирьгубу.

Магазины были за биржей, в рыбозаводе, в МРС и в деревне Умбе. Раймаг на улице Кирова появился где-то в середине 1950-х годов. Рынок был на площади у моста напротив узкого двухэтажного дома, где тогда помещались парикмахерская и фотография. Особого оживления на умбском рынке я не припомню. Рядом стояли два небольших деревянных домика, где попеременно, то в одном, то в другом, размещался книжный магазин. Книжный отдел в 1950-е годы был и в нижнем магазине. Продащицу Тамару из этого отдела мы называли Тома Книжкина, в отличие от Любы Вейнеровой из другого книжного магазина, где были и подписные издания. Люба у нас была Подпискиной.

С середины 1950-х годов в поселке появляется ряд специализированных магазинчиков вплоть до посудного.

ТОПОЛЯ СОЛОМОНА КОГАНА

Главной улицей поселка была улица Кирова, по которой в 1940-е годы тянулись монгольские короткохвостые лошадки с бревнами в сторону биржи сырья. Лошадки эти появились на умбском конобозе сразу после войны.

Где-то в начале 1950-х годов улица Кирова была полностью замощена дощатым покрытием, и лошадки, быстро вытесненные машинами, стали ходить в обход Кирова по улице Конной, которая в честь одного из юбилеев стала улицей Победы.

В начале 50-х на улице Кирова посадили тополя. Первые саженцы привез директор школы Соломон Дмитриевич Коган.

На Кирова была наша средняя школа (с 5 по 10 класс). Классы с 1 по 4 были в другом двухэтажном здании на Конной. В школьном спортивном зале с 1952 г. стали показывать фильмы (тоже с легкой руки Соломона Дмитриевича).

«ЖИВОПИСНЫЙ» СПОРТЗАЛ

Самым первым фильмом стал «Пржевальский». «Тарзана» нам тоже сначала показали в школе, а уже потом он пошел в клубах. В это же время проходили выставки рисунков и даже живописных работ школьников в этом же спортивном зале. Был некий период поголовного увлечения школьников рисованием, и даже не просто рисованием, а живописью! Рисовали в основном копии картин известных художников, выполненных по клеточкам.

Я восторгался работой моего старшего двоюродного брата Юры, копией картины И. Шишкина «Рожь». Здесь же проходили и школьные концерты. Навсегда запомнились Валя Сарнадская, исполнявшая модные эстрадные песенки («Красная розочка», «Маленькая Мари»); аккордеонист Юра Тарасов, исполнявший «Карусель»; моя одноклассница Зоя Житова, трогательно читавшая поэму Маргариты Алигер «Зоя»; прекрасным конфетансье был Толя Вощиков. В школе ставились и многоактные спектакли. Я участвовал в «Снежке» по пьесе Н.Любимовой, играл миллионера мистера Бидла в 1955 г. и в «Единой боевой» по пьесе А. Бруштейн в 1957 г., где играл яркого антисоветчика бывшего купца Кондырева.

РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ И СТАЛИНЫМ

Рядом со школой, почти напротив, был двухэтажный деревянный клуб им. Дзержинского, здание которого по типовому проекту для леспромхозов было построено в 1951 г. По обе стороны клуба на высоких постаментах стояли бюсты Ленина и Сталина. Справа несколько позже была построена открытая танцплощадка. К этому новому клубу мы долгое время не могли привыкнуть. Дело в том, что на улице Дзержинского, там, где в конце XX – начале XXI века находилась церковь, был ещё беляевских времен прекрасный клуб на 360 мест (в новом клубе стало всего 244 места) с огромной сценой, с оркестровой ямой, десятком грим-уборных для артистов, большим экраном, малым залом, несколькими подсобными помещениями для занятия кружков и парой небольших квартир для работников

клуба. В новом клубе всё было гораздо скромнее. Сразу же после открытия нового клуба в старом был уничтожен зрительный зал, а помещение было отдано под детский сад. Напротив старого клуба в длинном розовом доме тоже размещался детский сад.

КОНТУЖЕННЫЙ «ДИСК-ЖОКЕЙ»

Как все тогда любили кино! В старом клубе на детском сеансе, чтобы купить билет, приходилось пробираться к кассе чуть ли не по головам. Толкучка и давка были всегда. Как уж строгая Ксения Ивановна, билетёрша, управлялась с нами на контроле, не знаю. Позже, уже в новом клубе, зимой, пропуская нас, рабочих парней, на танцы, она ощупывала каждого, на её взгляд, подозрительного: не несёт ли он с собой за пазухой бутылку. Но мы тоже не зевали. Бутылку оставляли где-нибудь у входа в клуб в сугробе; во время танцев выходили на минутку покурить или просто прохладиться, тут же у сугроба её приканчивали и к вальсу-финалу были уже то, что надо.

Вальс-финал и другие танцы объявлял тогдашний «диск-жокей», контуженный на войне Иван Терентьев, достаточно сильный физически. У Ксении Ивановны он был еще и как бы вышибалой.

УЗКАЯ ПЛЕНКА

Но вернемся к любящим кино умбьянам. Широкоплечные аппараты были только в клубе им. Дзержинского. Копии приходили достаточно поздно. Кроме клуба Дзержинского, фильмы шли в клубах МРС, рыбозавода и деревни Умба. Афиши всех четырех клубов можно было увидеть у парикмахерской и столовой.

В этих залах копии были на узкой пленке. Удивительно, но на узкой пленке мы иногда видели фильмы раньше столичных зрителей.

Помню, как нам показали «Летят журавли». Мне было особенно интересно смотреть этот фильм, так как я только что в журнале «Театр» прочел пьесу В.Розова «Вечно живые». Картина оставила неизгладимое впечатление на всю жизнь. Мне было больно читать сплошь отрицательные рецензии о фильме. После «Золотой пальмовой ветви» в Канне оценка критиков повернулась в прямо противоположную сторону. С середины 1950-х годов фильмы начали показывать и в разных «красных уголках»: рыбокооп, ремонтно-механической мастерской, совхоза и т.д. Элитным был показ фильмов в парт-

кабинете. Я был туда вхож с мамой, которая некоторое время была инструктором райкома партии.

Мы с моим другом Юрой Бутаковым, пользуясь знакомством с киномехаником клуба дядей Васей Павловским, всегда вызывались помочь ему получить на почте коробки с фильмами. Мы первыми узнавали, какое кино будет идти на этой неделе. Также мы любили помогать в разборке новых книг Любе Вейнеровой. Часто некоторые наиболее ходовые книги приходили по 2-3 экземпляра (Стивенсон, Майн Рид, приключенческая советская литература), и они доставались нам. В основном мне. Мои родители разрешали мне покупать книги. У Юры материальное положение было тяжелее, но и он изредка что-то покупал.

ТРЕСКА «ПО-ДЕРЕВЕНСКИ»

Рядом с клубом в большом двухэтажном доме размещалась артель «Беломор» (позже там была музыкальная школа). В артели ремонтировали, перелицовывали одежду и обувь, но могли пошить и стачать.

На улице Кирова в большом одноэтажном Г-образном доме была рыбокооповская столовая, одно время прозывавшаяся чайной; здесь же была и рыбокооповская контора. Столовую эту я вспоминаю с большим ностальгическим удовольствием. Какие там были повара! Асы! Прежде всего вспоминаются Иван Семенович Меньшиков, бывший моряк, у которого из-под поварской куртки всегда виднелась тельняшка; его жена Зинаида Александровна; Лодкина Елизавета Егоровна. Вспоминаются роскошные, красивые поданные отбивные, пельмени, праздничные, на заказ, пироги. А примерно в середине 1950-х годов в столовой стали делать песочные пирожные и торты с кремом. Мне, знавшему вкус московских пирожных, они казались грубоватыми, но тем не менее.

С продуктами иногда бывало трудно, и тут наши повара проявляли чудеса кулинарной фантазии. В такие периоды я очень любил брать у них треску «по-деревенски». На маленькой сковородке тебе приносят кусочки вымоченной соленой трески с картошкой и луком, запеченные в духовке. Это было не только очень вкусно, но и красиво.

В столовой было два зала: большой, где обедали рабочие, и малый зал для тогдашних VIP-персон. По большому залу вечером летала с уставленными подносами над головой лучшая наша официантка Лиза Калинина. Понятно, что её идеалом была Настенька (Вера Васильева) из фильма «Сказание о земле Сибирской».

Моя мама одно время была директором столовой, и я знал многих её сотрудников. Вспоминается обаятельная интеллигентная бухгалтер Людмила Николаевна Романова, по слухам, учившаяся в Смольном институте. Позже мама подерживала с ней связь вплоть до её смерти.

Мы жили на Комсомольской, 2, как раз позади столовой, и я в школьные годы чуть ли не каждый день ходил с кастрюльками к раздаточному окну, покупал талоны и получал вкуснейшие первое и второе на дом. Папа приходил на обед домой, мы ели столовское и нахваливали.

В поселке была ещё одна столовая, орсовская, за биржей, рядом с мастерскими капитального ремонта, где я работал автоэлектриком с 1958 по 1961 год. Эта столовая была попроще; можно сказать, типичная леспромхозовская того времени. Но все леспромхозовские столовые, несмотря на скромность меню, кормили вкусно. К леспромхозам в то время относились уважительно.

КУРЯТНИК НА КУХНЕ

Дом наш был двухэтажным восьмиквартирным, построенным, очевидно, в 1920-е годы. Наша двухкомнатная квартира была с печкой-голландкой, обогревавшей обе комнаты, и плитой на кухне. Во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х нас было пятеро: папа, мама, дедушка, бабушка (папины родители) и я.

В середине 1950-х бабушки и дедушки не стало и мы остались троим. В самые тяжелые военные и первые послевоенные годы мы с весны до ноябрьских праздников держали поросенка (их всегда звали Фомками) – поэтому зимой в бочонке всегда была вкусная солонина. Были куры, штук 5-6. Зимой они жили на кухне, в курятнике, который бабушке довольно часто приходилось чистить. Одно время у папы (он работал инженером на лесокомбинате) на пару с соседом был карбас. Так что я до сих пор помню вкус лучшей в мире уха из только что выловленной трески с печенью. Но рыбаками папа с дядей Пашей оказались неважными, и карбас был вскоре продан.

ПАТЕФОН НА «ПОЖАРНОМ»

Прямо напротив нашего дома стоял длинный-предлинный барак «Манеж», квартир примерно на 40. На весь барак было по две пары жутких, вонючих и страшных уборных рядом с северным и южным входами в барак. Многие жители по

этой причине «ходили в ведро», и ведра эти днем часто стояли у дверей их комнат. Проходя по темным, часто не освещенным коридорам «манежа», гости иногда спотыкались об эти ведра. «Манеж» имел четыре входа, три из которых ничего из себя не представляли. Зато южное «пожарное» высокое и широкое крыльцо, образованное из-за перепада высот длиннющего барака, в летнее время было своеобразным клубом. Обычно кто-то из владельцев патефонов выносил своё сокровище на крыльцо, и вокруг него собиралась компания. На «пожарном» крыльце всегда играл чей-то патефон. Здесь же подростки резались в карты «на интерес». На деньги играли в другом месте. Тут же соседки перемывали косточки отсутствующим.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов на многих крыльцах заводились патефоны. Люди даже менялись пластинками на время, как книгами. Я тоже любил выходить со своим патефоном и пластинками (их у нас было много: самых разных, ещё довоенных: и песни, и цыганские романсы, и фокстроты с танго, и классика – некоторые арии из опер, в частности, из «Евгения Онегина» и «Севильского цирюльника») на своё крыльцо.

КОЧЕГАР-АСПИРАНТ ДИМА

В «Манеже» жил мой хороший друг по клубной самодеятельности конца 1950-х годов Дима Александров. Его окно было прямо напротив одного из наших; и когда мы хотели пригласить Диму в гости, то вешали на тесёмочку занавески газету, и Дима появлялся, иногда с удивляющим нас гостинцем, скажем, бутылкой шерри-бренди или плиткой какого-то иностранного шоколада, которые ему присылали время от времени знакомые или родственники, кто конкретно, он никогда не говорил. Дима – обаятельнейший интеллигентнейший тридцатилетний человек с семиклассным образованием.

Работал Дима кочегаром на заводе (у нас тогда говорили «в заводе»). Как-то Дима сказал, что его настоящая фамилия Фиалковский и он сын горьковского архитектора. Действительно, в России была династия архитекторов Фиалковских. И когда мы в 1959 году изображали на сцене в водевиле В. Дыховичного «Свадебное путешествие» аспирантов, то кочегар Дима в этой роли был куда естественнее меня, вчерашнего десятиклассника. У Димы была гражданская жена Маша Дыкина, грубоватая, но не лишенная обаяния женщина, рабочая того же завода. К нам в дом почему-то был вхож только Дима.

Почти сразу же после того как мы весной 1959 года сыграли наш спектакль, Диму перевели куда-то в лес, и только через год ему было разрешено уехать на любое постоянное место жительства. Он не поехал почему-то на родину своих предков в Горький, а предпочел Армавир. Мы не смогли попрощаться. Он уезжал, когда я был в отпуске в Москве. Они с Машей оставили мне адрес. Я писал, но ответа не получил.

«ТИМУРЫ» И ИХ КОМАНДЫ

Дальше по улице Комсомольской, 4 стоял еще барак, но покороче «Манежа», так называемый «Комсомольский». Ещё дальше по противоположной стороне улицы сразу за скалой стоял барак «Сотый», где жил мой друг, поселковый хулиган Гера Тузов. Я учился в одном классе с его младшим братом Гансином, который нелепо утонул в 4 классе...

По названиям домов прослеживается история жизни поселка. Так, на Набережной был огромный двухэтажный барак с такими же удобствами, как и в «Манеже», – «пятнадцатый». А в Колхозном переулке двухэтажное здание, где позже был детский сад, всегда называли ГОПом – «Государственное общежитие пролетариата». Название прижилось ещё, очевидно, с 1920-х годов. И отделение милиции не всегда было в конце улицы Дзержинского. В самом начале улицы Набережной стоял длинный одноэтажный барак, который называли «старой милицией».

Ребятня жизнь на Комсомольской была разнообразной и веселой. В послевоенные годы по всему Советскому Союзу создавались тимуровские команды. Аркадий Гайдар был всеми любим. В некоторых школах команды были вполне официальными, создаваемыми школьными дружинами. У нас же они были неофициальными – можно даже сказать, полухулиганскими. В нашем доме была своя команда, которую собрал Эдик Прибышин, сын одного из начальников лесокombината, жившего в нашем доме. У Прибышиных было четверо сыновей. Трое сынов было у Мишиных. Вот и команда. В команду входил и Коля Кузнецов. Мы, мелкая мелюзга, тоже примыкали к команде. На просторном двухэтажном сарае Мишиных, где мы тайно заседали, долгое время красовалась надпись: «Э. и его команда», сделанная масляной краской. Полезных дел мы делали не так уж и много: укладывали тайно поленицы привезенных дров некоторым пенсионерам да нагружали тачки углем грузчикам на каботажке во время их

обеде перерыва. Из совсем уже плохих дел вспоминается то, что мы разваливали поленицы у «буржуев», по мнению Эдика; то есть у тех, которым якобы эти дрова и за пять лет не сжечь. А вообще-то, мы большой компанией летом уходили в лес и играли в войну: со своим штабом, флагом, нарукавными повязками, разбившись на две команды. Летом же играли «в стрелки» – бегали по посёлку как можно подальше, отмечали свой путь на домах, на тротуарах, на камнях стрелками; на месте, где остановились, вместе стрелки чертили круг, ожидали водящих и прятались. Как-то все мы, ребята из нашего дома, собрались и купили волейбольный мяч и сетку. Прямо рядом с домом вкопали столбы, натянули сетку и стали играть в волейбол. В играх иногда принимали участие и наши отцы, у кого они были. Мой папа и дядя Миша играли с ребятами в лапту и «гоняли чижика». Я тогда ещё не ходил в школу, и меня не принимали играть. Да и сам я не очень-то рвался, так как был болезненным ребенком. Зато с пяти лет я начал читать, и читал запоем.

Вспоминаются походы нас, совсем маленьких, в 1945–1947 годах к пекарне, где буханки хлеба катали по лотку к возчикам хлебных фур. Мы своими грязными ручонками собирали необыкновенно вкусные крошки на конце лотка и горсточкой отправляли их в рот. Пекари нас жестоко гоняли, только завидев. Любили мы забираться через подкоп в один склад, где были жмыхи, и успешно таскали их, понемногу набив карманы. Я ходил с ребятами больше за компанию, так как семья наша была достаточно обеспеченной. Папа и мама обычно ругали меня за эти походы, если как-то узнавали о них.

В 1945–1946 годах приезжали демобилизованные солдаты и офицеры с трофейными аккордеонами, шоколадом, карманными фонариками и т.д. Мне, маленькому, особенно запомнился такой трофей. Дядя Паша Калинин привез набор небольших цветных вроде бы открыток, где на каждой открыточке были фотографии всех наших военачальников, начиная со Сталина. Открыточек таких была солидная пачка. На обороте был достаточно объемистый текст на немецком языке.

Зимой рядом с нашим домом на огороде за будущим раймагом каждый год заливали каток, а сзади нашего дома, между домом и столовой, устраивали довольно высокую деревянную горку.

Своя команда была и в доме по Комсомольской, 6, где жил мой друг Юра Бутаков. Я был вхож в эту команду. И если у Эдуарда были явные командирские замашки, то Юру Бутакова всю его

жизнь любили за его мягкость, доброту, незлобивость и бессребреничество; будучи взрослым, он ремонтировал бабушкам печи бесплатно: за картошку, другие овощи, мясо и рыбу. В Юркиной команде были дети из более бедных семей, нежели у Эдуарда. У многих отцы погибли на войнах. У Юры отец погиб ещё на финской. Сарай у команды был попроще, но деятельность, в общем, была та же. В этом сарае мы скидывались по копейкам, покупали в столовой вкуснейшие блины, а в ларьке бидончик цвета разбавленной марганцовки морса и с радостью ели всё это в нашем сарае. Кстати, этот послевоенный морс делался из концентратов, действительно похожих на марганцовку. У моего друга Славки мама работала на пищекомбинате (на «квасном», как его называли тогда в поселке), и он дома у себя как-то угостил меня этим морсом, бросив в стакан чуточку концентрата.

В том же ларьке с морсом продавали и мороженое красивого желто-кремового цвета, прилепленное с двух сторон квадратными вафлями. Но блины с морсом нам обходились дешевле.

«САГА О ФОРСАЙТАХ» ПОД ПАРТОЙ

Где собирались ребячья компании в поселке? Весной, когда уже стоял снег, велосипедисты-старшеклассники собирались у пожарного депо на Кирова и гоняли чаще всего в сторону кладбища и дальше. Собирались во дворе школы у волейбольной площадки и играли «на вылет». Вспоминаются волейбольная площадка, качели и «гигантские шаги» у клуба МРС. А мы почему-то классе в 9-10 вечерами собирались на почте и там готовили задание по немецкому. Это стало у нас традицией.

Вспоминается одна, казалось бы, для нынешнего времени странность. В десятом классе дома и на уроках под партией мы читали «Яму» А.Куприна и «Сагу о Форсайтах» Дж. Голсуорси. Держу пари, что в российской школе 2018 года ни один десятиклассник не читает Голсуорси, тем более на уроках. «Яму»-то, может, и туда-сюда.

В 8-10 классах у меня были друзья-книгочеи Женя Синцов, рабочий биржи, учившийся в вечерней школе, и Саша Сычников. Мы встречались в районной библиотеке, которая тогда была на ул. Победы у поворота к больнице. Мы просто болтали – и о прочитанном, и просто так. Женя интересовался философией – марксистской и древнегреческой, а Саша – буквально всем. Так что нам было о чем поговорить.

Умбская танцплощадка – особая статья, но Ксения Ивановна школьников туда не пускала. Ей в этом активно помогал Ваня Терентьев.

ПОЛУНДРА, НАШИХ БЬЮТ!

Из наших ушедших праздников – по крайней мере, из Умбы, мне до сих пор вспоминается июльский День Военно-Морского флота таким, каким его праздновали у нас в конце 1940-х – начале 1950-х годов. В этот день в порт приходил пароход «Каховский», на котором проходили практику курсанты морских училищ Архангельска и Мурманска, или, чуть позже, шхуна «Запад» с теми же курсантами. Одно время «Запад» ходил к нам как грузопассажирское судно. У моряков был духовой оркестр, хорошая самодеятельность, и ребята устраивали дневные концерты сразу же за мостом напротив завода. Зрители собирались вокруг артистов, в том числе и на мосту. Вечером курсанты шли на танцы. Случались и драки. «Полундра! Наших бьют!» Пускались в ход бляхи. Но главное не это. Главное – сохранившееся ощущение настоящего праздника.

А ЧТО ЭТО У НИХ НА НОГАХ?

Живое искусство нечасто баловало умблян. За все 20 лет, прожитые в поселке, я помню всего один раз, как где-то в конце 1950-х годов к нам привез какой-то спектакль из колхозной жизни Мурманский облдрамтеатр. Мне, избалованному зрителю, он не понравился: я ведь к тому времени видел «Гамлета» в Маяковского, «Макбета» в Малом, «Ученика дьявола» во МХАТе и «Порт-Артур» в Киевском театре им. Ив.Франко. Но в районе всегда были прекрасные артисты из народа. Вспоминаются районные смотры художественной самодеятельности. И прежде всего Варзугский народный хор. Кто видел и слышал их первый раз, всегда спрашивал: «А что это у них на ногах?» На ногах же у них были резиновые галоши, роскошно выглядывшие в сочетании с узорными шерстяными носками.

Вспоминаются симпатичные молодые учительницы, наверняка попавшие на Терский берег по распределению. Они вдохновенно и артистично читали (естественно, без бумажки) о встрече Анны Карениной с сыном и отдельные «Сказки об Италии» М.Горького.

Иногда умбского зрителя радовали и заезжие практиканты. Кажется, в 1956 году в Умбу на прак-

тику приехали студенты из Туапсинского гидрометтехникума. У них был неаполитанский струнный оркестр и певец с репертуаром из Ива Монтана.

ВИДНЫЕ ЛЮДИ

Умба моего детства – это поселок заметных и видных людей, видных в том смысле, что я их вижу каждый день и каждый умбянин их знает. Вот, сгорбившись, идет по улице с баулом человек невысокого роста. Это всеми любимый доктор Гуков. И хотя он работал не в амбулатории, а в медпункте лесозавода, его все знали, и он пользовался огромным авторитетом. У него была дочь Клава, старая дева, немного не в себе. Её тоже все знали и сочувствовали ей. Постоянно мелькал на улице вечно пьяный дедка Стос с огромной бородой. Иногда он валялся пьяный у чайной. Его никто не трогал: проспится и пойдет домой.

В «пятнадцатом» жила крохотная старушка Настя «Самолет», которая не ходила по поселку, как все, а просто «летала», причем не специально, а по жизни. Говорила она громко и тоже быстро.

Рядом с орсовским магазином прямо за «Манежем» жила единственная в поселке нищая – Акулина. Высокая молчаливая худая женщина, вся в черном, ежедневно обходила наши квартиры, и все старались что-то дать Акулине Ивановне.

Одним из самых известных жителей Умбы во времена моего детства был Матвей Иванович Олонкин, ассенизатор, а точнее, бригадир ассенизаторов. Их было человек пять, и когда они со сво-

ими фурами на крепеньких короткохвостых лошадах проезжали по поселку, народ старался побыстрее отойти от их обоза подальше. Но Олонкин пользовался, по-моему, каким-то странноватым уважением. Говорили, что он получает больше, чем директор лесокомбината. Конечно же, все понимали, что за такую работу стоит много платить.

КАК ПРОПАЛИ СТИЛЯГИ

В 1957 фестивальном году у нас появились стилиги, в основном студенты, приезжавшие на каникулы. Это были нормальные ребята, одевавшиеся по последнему слову моды. По жизни они вели себя достаточно скромно. Но не на танцах. На танцплощадке было любо-дорого на них посмотреть, как в конце танцев они выдавали рок. Конечно же, у нас запрещали и рок-н-ролл, и буги-вуги, но всегда как-то так получалось, что на каждом танцах «стиль» был выдан. Стилиг поддерживали и некоторые иностранные моряки. Зарубежные лесовозы постоянно грузились у причалов биржи пиломатериалов. мода постепенно становилась на сторону стилига. Матросские широченные клеши становились дремучим анахронизмом. Мы все заузили брюки. Нам хотелось одеваться ярче и модней. И к началу 1960-х годов модно одетых молодых людей уже престали называть «стилягами».

Вот что мне вспомнилось в один из январских вечеров 2018 года.

□

Борис Александрович ГУЩИН

(род. в 1941 г.).

Долгое время работал старшим научным сотрудником Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Киж».

Историк, этнограф, писатель, театральный критик, член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.

Автор книг «Не только о Кижсах. (Картинки прошлого, повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),

«Тысяча вторая ночь» (2011 г.),

«Любите ли вы театр?.. А цирк?..» (повести, рассказы, воспоминания, пьеса, отзывы на спектакли) (2015 г.).

«Байк-мемориз» (2019 г.).

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живёт и работает в Петрозаводске.

